

Пролог

Наконец-то перед ними открылись створки двери, и они вошли в залитую почти неземным светом комнату. Всю середину ее занимал большой овальный стол из темного дерева, перед ним стояли двое мужчин и выжидающе смотрели на него.

— Мистер Фонтанелли, позвольте представить вам моего партнера, — произнес младший из адвокатов, когда за ними закрылась дверь. — А также моего отца, Грегорио Вакки.

Джон пожал руку мужчине со строгим взглядом, в очках в узкой золотой оправе, лет примерно пятидесяти пяти, одетому в серый однобортный костюм; из-за редящих волос он слегка походил на бухгалтера. Можно было предположить, что он — адвокат по налогам, который выступает перед административным судом и, шевеля узкими губами, цитирует сухие параграфы торгового права. Его рукопожатие было холодным и деловым, он пробормотал что-то вроде «рад познакомиться», причем возникло такое ощущение, будто он не имеет ни малейшего представления о радости.

Второй мужчина был немного старше, но благодаря густым вьющимся волосам и кустистым бровям, из-за которых лицо его казалось несколько мрачным, он выглядел намного более оживленным. На нем был двубортный темно-синий костюм со строгим традиционным клубным галстуком и идеально сложенным платком в нагрудном кармане. Легко было вообразить, как он, держа в руке бокал шампанского, отмечает победу в громком уголовном процессе, а позже, смеясь, щиплет официанток пониже пояса. Его рукопожатие было крепким, он пристально смотрел прямо в глаза Джону (что было почти неприятно), представляясь низким грудным голосом:

— Альберто Вакки. Я прихожусь Эдуардо дядей.

Только теперь Джон заметил, что в кресле с подголовником у окна есть еще кто-то — там с закрытыми глазами сидел старик, однако было непохоже на то, что он действительно спит. Скорее он слишком устал, чтобы воспринимать действительность всеми органами чувств. Его худая морщинистая шея выглядывала из мягкого воротничка рубашки, поверх которой он надел серую вязаную безрукавку. На коленях у него лежала маленькая бархатная подушка, на которой покоились его руки.

— *Padrone*¹, — негромко произнес Эдуардо Вакки, заметивший взгляд Джона. — Мой дед. Как видите, у нас семейное предприятие.

Джон только кивнул, не зная, что сказать. Он позволил провести себя к стулу, одиноко стоящему с этой стороны стола, и повиновался движению руки, приглашавшей его сесть. С противоположной стороны стола вплотную друг к другу стояли четыре стула, спинки которых были плотно придвинуты к краю стола, а перед ними лежали тонкие папки из черной кожи с тисненым гербом.

— Хотите чего-нибудь выпить? — спросили его. — Кофе? Минеральной воды?

— Кофе, пожалуйста, — услышал собственный голос Джон. В грудной клетке снова шевельнулось то самое трепетное чувство, которое возникло, когда он вошел в холл отеля «Вальдорф Астория».

Эдуардо раздал кофейные чашки, стоявшие на небольшом столике на колесах, принес молочник и сахарницу из тисненого серебра, налил всем и поставил кофейник рядом с чашкой Джона. Трое представителей семейства Вакки заняли свои места: Эдуардо справа, если смотреть со стороны Джона, Грегорио, отец, рядом с ним и затем Альберто, дядя. Четвертое место, крайнее слева, осталось пустым.

Все наливали себе сливки, насыпали сахар, помешивали кофе. Джон не отрываясь смотрел на чудесную текстуру красного дерева столешницы. Должно быть, это корневой спил.

¹ Патрон (*итал.*). (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

Помешивая кофе тяжелой серебряной ложкой, он попытался как можно незаметнее оглядеться.

За окном, находившимся за спинами трех адвокатов, открывался вид на яркий, сверкающий Нью-Йорк, во всех уголках которого плясал солнечный свет, и на Ист-Ривер, блестящий густой искрящейся синевой. Справа и слева от окна ниспадали легкие светло-розовые шторы, идеально сочетаясь с тяжелым безупречным темно-красным ковром на полу и белоснежными стенами. Невероятно. Джон отпил кофе, крепкого и пряного на вкус, больше всего напоминавшего эспрессо, который иногда готовила ему мать.

Эдуардо Вакки открыл лежащую перед ним папку, и тихий звук, с которым кожаный переплет опустился на столешницу, прозвучал подобно сигналу. Джон отставил чашку и еще раз вздохнул. Начинается.

— Мистер Фонтанелли, — начал молодой юрист, слегка наклоняясь вперед, опираясь локтями на стол и сложив ладони. Теперь его голос звучал не любезно, а скорее по-деловому. — Я просил вас принести на эту встречу удостоверение личности — водительские права, заграничный паспорт или что-то подобное — разумеется, исключительно для проформы.

Джон кивнул.

— Мои водительские права. Минутку.

Он поспешно сунул руку в задний карман брюк и испугался, ничего не обнаружив, а затем вспомнил, что положил права во внутренний карман пиджака. Горячими, едва ли не дрожащими руками он передал документ через стол. Юрист взял водительские права, мельком взглянул на них, кивнул и вручил отцу, который, в отличие от него, принялся изучать их настолько пристально, будто был уверен в том, что это подделка.

Эдуардо слегка усмехнулся.

— У нас тоже есть удостоверения личности. — Он предъявил два больших, очень официально выглядящих документа. — Семья Вакки уже много столетий проживает во Флоренции, и почти все представители этого семейства мужского пола на протяжении многих поколений становились адвокатами и поверенными. Это подтверждает первый документ; второй

представляет собой перевод первого документа на английский, заверенный штатом Нью-Йорк.

Он протянул Джону оба документа, и тот принялся беспомощно разглядывать их. Первый, вложенный в прозрачный карман, казался довольно старым. Итальянский текст, в котором Джон понял только каждое десятое слово, был отпечатан на пишущей машинке на посеревшей гербовой бумаге, под ним стояло бесчисленное множество выцветших печатей и подписей. Английский перевод — чистая лазерная распечатка, снабженная гербовой маркой и нотариальной печатью, — казался запутанным и содержал массу канцелярских оборотов; насколько понял Джон, он подтверждал сказанное Вакки.

Он положил обе справки на стол перед собой, скрестил руки на груди. Одна ноздря задергалась; оставалось надеяться, что этого никто не заметил.

Эдуардо тоже сложил руки. Водительские права Джона тем временем переключались к Альберто, который рассмотрел их, благожелательно кивая, и затем аккуратно передвинул на середину стола.

— Мистер Фонтанелли, вы являетесь наследником солидного состояния, — начал Эдуардо, снова взяв деловой тон. — Мы находимся здесь, чтобы сообщить, какова причитающаяся вам сумма, а также предельные условия наследства, и, если вы согласитесь вступить в наследство, обсудить с вами шаги, необходимые для передачи права собственности.

Джон нетерпеливо кивнул.

— Эмм, да... А вы не могли бы сказать мне для начала, кто умер-то?

— Если позволите, ответ на этот вопрос я отложу на некоторое время. Это долгая история. В любом случае никто из ваших близких родственников.

— А как же я тогда оказался в наследниках?

— Это, как уже было сказано, в двух словах не объяснить. Поэтому я прошу вас потерпеть еще немного. А пока что такой вопрос: вы должны получить значительную сумму денег. Вы хотите иметь ее?

Джон невольно хмыкнул.

— Отлично. Сколько же?

— Более восьмидесяти тысяч долларов.

— Вы сказали «восемьдесят тысяч»?

— Да. Восемьдесят тысяч.

Ого! Джон откинулся на спинку стула, со свистом выпустил воздух. Ох. Ну и ну. Во-семь-де-сят ты-сяч! Неудивительно, что приехали все четверо. Восемьдесят тысяч долларов — кругленькая сумма. Сколько-сколько? Одним махом! Боже мой! И все сразу, это нужно еще переварить. Это же... Боже мой, это значит, что он может пойти в колледж, совершенно спокойно, и больше не потратит ни единого идиотского часа, вкальывая в какой-то там идиотской пиццерии или где-нибудь еще. Восемьдесят тысяч... Боже мой, одним махом! Просто так! Невероятно. Если он... Ладно, надо следить за тем, чтобы не развилась мания величия. Можно остаться на той же квартире с соседями, она ничего, не роскошная, но если экономить — боже мой, хватит даже на подержанный автомобиль! И хороших тряпок немного. То да се. Ха! И больше никаких хлопот.

— Неплохо, — наконец выдавил он. — И что еще вы хотите узнать? Беру ли я деньги или нет?

— Да.

— Можно глупый вопрос: в чем подвох во всем этом деле? Может быть, я наследую и какие-то долги или что-то в этом роде?

— Нет. Вы наследуете деньги. Если вы согласитесь, то получите деньги и сможете делать с ними все, что угодно.

Джон в недоумении покачал головой.

— Вы можете представить, чтобы я сказал «нет»? Можете представить, чтобы хоть *кто-то* отказался?

Молодой адвокат поднял руки.

— Это установленная законом форма. Мы должны спросить.

— А. Ну ладно. Вы спросили. И я согласен.

— Прекрасно. Мои поздравления.

Джон пожал плечами.

— Знаете, я все равно поверю только тогда, когда в руках у меня будут купюры.

— Вы в своем праве.